

УДК 341 326 11 + 94(47)084.8

Б.Н.Ковалев**ЮРИДИЧЕСКИЙ КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ РОССИИ
(1941 — 1944 гг.)***Гуманитарный институт НовГУ, т. (8162) 63-26-13*

The article deals with collaboration in the sphere of Law during the Great Patriotic war. It reveals different forms of co-operation of Russian citizens with Nazis in the legislative and judicial sphere.

Ключевые слова: коллаборационизм, оккупация

Нацистский оккупационный режим в России строился не только на репрессивном аппарате, но и на активном идеологическом воздействии на население. Одним из пропагандистских тезисов оккупантов и их пособников было утверждение о торжестве закона в условиях «нового немецкого порядка». Сотрудничество граждан нашей страны с гитлеровцами в законодательской и судебной сфере можно отнести к такой форме коллаборационизма, как юридический коллаборационизм.

В своих приказах и распоряжениях, обращенных к русскому населению в первые дни и недели оккупации, нацисты прямо указывали, что за отсутствием судебных органов все споры решают представители «русской администрации» — старосты и бургомистры. Они должны были решать все проблемы, опираясь на свои собственные представления о справедливости. Но при совершении опасных преступлений староста вместе с понятыми был обязан доставлять виновного на расправу немецким властям [1].

В этих условиях командование ряда частей вермахта, заинтересованное в стабильности своего тыла, зачастую стало проводить свою собственную оккупационную политику под ширмой «новых русских судов». При этом в распоряжениях рейхсминистра восточных областей Альфреда Розенберга спе-

циально оговаривалось, что действительное руководство во всех вопросах должно находиться только в руках немцев.

Судьи, прокуроры, следователи, адвокаты и нотариусы допускались к работе исключительно после утверждения их кандидатур немецким командованием. Все они давали подписку о том, что «повинутся установленному порядку управления». Местный суд не вправе был судить немцев и не мог разбирать дела «по преступлениям, затрагивающим интересы германской империи». Гражданские иски, в которых хотя бы одной из сторон являлся немец, местные суды могли рассматривать только при условии его согласия.

В крупных населенных пунктах суды находились в ведении городской управы. Бургомистр, возглавлявший ее, являлся должностным и административным руководителем всех подчиненных ему чиновников, организаций и учреждений. Он имел право накладывать административные взыскания на население подведомственного ему района. На допросе в НКГБ бургомистр Пскова Василий Максимович Черепенькин заявил: «Да, я был председателем суда, председателем общества взаимопомощи, директором музея. Но на все эти работы я шел только из любви к русскому народу.

Занимая все эти должности, я был только русским для русских. Законы наши русские распространялись только на русских, немцы, проживавшие до этого в России, под эти законы не попадали, и их судить мы не имели права. Председателем суда меня никто не избирал, я сам был назначен на эту должность согласно выпущенному немцами положению о судах. В суде рассматривались дела, за которые полагалось не более 3000 рублей штрафа. О принудительных работах, тюремном заключении наш суд не имел права выносить решения» [2].

Слова Черепенькина, однако, не соответствуют действительности. Уже в конце 1941 г. в его распоряжение были предоставлены бланки «Распоряжений о наложении административного наказания». Заполнялись они на двух языках: немецком и русском. В них имелись следующие графы, касающиеся лиц, привлеченных к административной ответственности: фамилия и имя, профессия, адрес проживания, год и место рождения. Налагал административное наказание, согласно этим документам, городской голова (бургомистр) или волостной староста. Утверждал его местный военный комендант. В качестве возможных наказаний указывались денежный штраф, арест и принудительные работы. Из сохранившихся «распоряжений», заверенных подписью Черепенькина, видно, что он налагал все возможные и разрешенные оккупантами наказания [3].

В соответствии с распоряжениями о наложении административных наказаний штрафы налагались по очень широкому кругу дел: за кражи, драки, нарушение комендантского часа, нарушение светомаскировки, задержку в выплате налогов, опоздание на совещание или собрание, проводившееся немцами и их пособниками, и за многое другое.

Так, Ефросинья Павлова, рабочая, 26 февраля 1942 г. была наказана денежным штрафом в размере 2000 рублей и принудительными работами на срок в четыре недели за то, что «дала своей сестре для продажи военные брюки-галифе немецкого производства» [4]. Домохозяйка Анна Поташова отправилась на 10 дней в тюрьму, предварительно заплатив штраф в 200 рублей, за то, что без разрешения пользовалась электричеством. Предприниматель Михаил Панков выложил 3000 рублей за торговлю сахарином, а швея Екатерина Фомина — 300 рублей за покупку на рынке немецкого одеяла. Штрафы в 100 рублей полагались за «нарушение постановления городского управления об очистке», «продажу в небазарный день молока» и даже за «нарушение постановления комендатуры о пребывании в чужих квартирах в запрещенные часы» [5]. В качестве доказательства вины обычно выступало собственное признание. Как видно, наиболее сурово нацисты и их пособники наказывали за административные правонарушения, связанные со сделками по продаже немецкого военного имущества.

Следует отметить, что немцы, устанавливая в оккупированных ими городах и селах свой режим, особое внимание уделяли осуществлению контроля за населением. Согласно инструкции №184, изданной немецкой военной комендатурой г. Брянска, во всех оккупированных населенных пунктах вводился сле-

дующий порядок: «...Все жители, до сведения которых дошли вести о заговорах против немецкой армии и... о вредительских актах, саботаже, в особенности, и о всякого рода покушениях, обязаны немедленно заявлять об этом в ближайшую немецкую воинскую часть. Упущение такого заявления карается смертной казнью. Имущество таких жителей уничтожается. Тем, кто сообщает о таких случаях, обещается вознаграждение в размере 5000 рублей» [6]. Таким образом, все действия, связанные с сопротивлением нацистскому оккупационному режиму, особо тяжкие уголовные преступления находились в ведении немецких военных властей и наказывались самым жесточайшим образом.

Следовательно, к ведению судов, находящихся под контролем русской коллаборационистской администрации, относились гражданские и маловажные уголовные дела. Как говорилось в положении о суде г. Орла (1941), «суд призван служить интересам населения, защищать имущество и личность от всяких незаконных посягательств и гарантировать правопорядок в общении и бытовых отношениях» [7]. Смоленский городской суд, начавший свою деятельность 29 октября 1941 г., за два месяца своей работы провел 12 судебных заседаний. За это время в суд поступило 39 дел. В процентном отношении эти дела разделялись следующим образом: об установлении отцовства и алиментах — 31%, о возвращении расхищенных вещей — 25,2%, о выселении из квартир — 12,4%, о праве на спорное имущество — 7,6%, о взыскании квартирной платы — 7,6%, о заработной плате — 5% [8].

Для помощи населению в юридических вопросах образовывалась адвокатура. Особое предпочтение здесь отдавалось людям, получившим юридическое образование до революции.

Создавая новый суд, коллаборационисты всячески подчеркивали его гуманность по сравнению с советским судом. Как писала газета «Речь», выходящая в оккупированном немцами Орле, «этот суд резко отличается от судебной системы большевиков, имевшей целью создание многомиллионной армии заключенных в лагерях бесплатных рабов, которыми жида и коммунисты пользовались, как им хотелось... Санкция же статей, выработанных для нашего суда, имеет пределом 6 месяцев тюрьмы и 1000 рублей штрафа... Дела об убийствах, разбоях и ряд других политических дел неподсудны суду и регулируются положением военного времени» [7]. Ряд дел рассматривался одновременно в порядке и гражданского, и уголовного судопроизводства.

Материалы о работе судов широко и регулярно публиковались в коллаборационистской печати. Практически в каждом номере газеты имелась рубрика «Из зала суда». Так, например, в «Смоленском вестнике» за 12 декабря 1941 г. в корреспонденции «Получили по заслугам» сообщалось о супругах Варфоломеевых, укравших чужие вещи и понесших за это со стороны охраны города наказание в виде принудительных работ. По искам пострадавших было рассмотрено дело в порядке гражданского судопроизводства. Смоленский городской суд обязал Варфоломеевых похищенные вещи вернуть, а при невоз-

возможности возвращения их в натуре уплатить пострадавшим стоимость этих вещей с возмещением понесенных последними судебных расходов.

Наиболее сурово наказывались деяния, прямо или косвенно связанные с невыполнением распоряжений немецких властей и их пособников. В смоленской газете «Новый путь» за 7 декабря 1941 г. в рубрике «Происшествия» сообщалось о том, что два гражданина были приговорены к 14 дням принудительных работ за самовольное оставление работы, на которую они были определены биржей труда. Здесь же давался материал о штрафе в 100 рублей (минимальная сумма для штрафа) за продажу мяса лошади, скончавшейся от болезни.

Что касается законодательной базы, то в ряде местностей в судах использовались советские законы (если они не противоречили распоряжениям немецких властей). Те управы, которые имели штат юристов (или людей себя таковыми считавших), издавали собственные кодексы. Заместитель начальника Смоленского окружного управления Н.Г.Никитин, выступая на торжественном собрании, посвященном «двухлетию освобождения Смоленского округа от большевиков», 15 июля 1943 г. заявил: «...У нас уже утверждено положение о семейном праве. Утверждается уголовный кодекс» [9]. Некоторые коллаборационисты выдвигали предложения о возрождении российских дореволюционных законов [10].

В 1943 г., в условиях коренного перелома в войне и активизации советского сопротивления на оккупированных территориях России, нацисты предприняли попытку представить себя защитниками «Великих судебных уставов 1864 года». Основной целью в деле реформы суда нацисты и русские коллаборационисты провозгласили «истинное привлечение всех честных граждан к суду» [11]. Во многом это делалось для расширения социальной базы противников советской власти.

В конце 1941 г. в Смоленске немецкое командование издало распоряжение об организации в городах и районах мирового посредничества или мировых судов. Предполагалось, что мировые суды будут разбирать все имущественные споры граждан, а именно: споры, вытекающие из семейных отношений (кроме разводов, которые на время войны запрещались), из договоров найма, купли-продажи, жилищные споры и проч. Однако, как признавали сами оккупанты, «посредническое разбирательство имущественных споров граждан было организовано только в небольшой части районов. В большинстве же районов имущественные споры граждан разрешал начальник района или даже волостной старшина в административном порядке, т. е. без всяких гарантий, обеспечивающих интересы спорящих сторон. Без затребования достаточных доказательств, без вызова другой стороны, нередко наспех и т. д.

Результатом такого разбирательства была часто необоснованность, а иногда даже несправедливость в разрешении спора, что вызывало законное недовольство населения» [12].

Коллаборационисты признавали: «...Разработанных гражданских законов мы сейчас не имеем, но в

состав посреднического управления, кроме квалифицированного и опытного юриста, входят два солидных и благонадежных представителя местного населения. Им ставится в обязанность судить, руководствуясь их народным представлением о праве и справедливости».

Заявления в мировой суд подавались в управление начальника района лично или через волостную почту. На разбирательство дела обе стороны вызывались повестками. Дела разбирались публично и устно. На заседании необходимо было представлять необходимые документы или свидетелей. Размер пошлины определялся председателем при вынесении решения. Жалобы на решения мировых судей могли подаваться в немецкую военную комендатуру [13].

Каждый претендующий на должность мирового судьи был обязан заручиться рекомендациями от русских коллаборационистских, а лучше немецких оккупационных властей и заполнить анкету. В последней должны были быть представлены следующие данные о нем: фамилия, имя, отчество; год и место рождения; полученное образование; характер работы до войны; занимаемые должности после войны. Кандидат должен был «являться благонадежным, иметь достаточное образование и возраст не моложе 30 лет». Особое предпочтение отдавалось учителям, как людям, «хорошо знающим местную жизнь» [14]. Так, в Солецком районе Ленинградской области на эту должность был назначен 77-летний педагог, при нем числилось два заседателя, 66 и 68 лет [15].

Судье устанавливался оклад содержания в 1000 рублей в месяц. С 1 января 1943 г. начали свою деятельность местные суды. Они создавались в каждом районе. Суд состоял из председателя и двух заседателей. Предполагалось, что председатель должен быть юристом по образованию. В роли заседателей выступали доверенные лица из населения. Рекомендовалось, чтобы заседателям было более 50 лет, так как «люди старшего поколения сформировались до 1917 года и знают, что такое настоящая справедливость» [16].

Разбору и решению в местных судах подлежали гражданские дела, касающиеся трудовых взаимоотношений граждан, споров, вытекающих из различных договоров, наследственные и семейные дела. Там же рассматривались и мелкие уголовные преступления, но при условии, что они не были направлены против интересов германской армии. Специально оговаривалось, что ведению судов не подлежало рассмотрение претензий лиц, у которых советскими властями было конфисковано какое-либо имущество. Обычно подобные проблемы возникали у эмигрантов, которые требовали вернуть имущество, конфискованное у них после 1917 г., в первую очередь земли. Эти вопросы подлежали рассмотрению германских военных властей, «поскольку речь здесь идет не о правовых спорах, а об административных действиях большевистского правительства» [17]. Судебные сборы по гражданским делам составляли при всякой цене иска 5% от исковой суммы. За каждую выданную гражданам копию с документов, находящихся в судебных делах, бралось по 2 рубля [18].

Создавая судебную систему при «новой русской администрации», оккупанты преследовали в

немалой степени пропагандистские цели. Нацисты рассчитывали таким образом добиться стабильности в своем тылу, переложив часть репрессивных функций непосредственно на само русское население.

1. Архив Управления ФСБ по Смоленской области (АУФСБСО). Д.14236. Л.25.
2. Архив Управления ФСБ по Псковской области (АУФСБПО). Д.2367. Л.31.
3. Там же. Л.135-141.
4. Там же. Л.135.
5. Там же. Л.137-141.
6. Архив Управления ФСБ по Орловской области. Ф.11. Оп.1, портфель 2: Об особенностях немецкого военно-

административного режима и возможностях нашей агентурной работы в оккупированных районах Орловской области и некоторых районах других областей: справка. Л.23.

7. Речь. 10 декабря 1941 г.
8. Новый путь. 11 января 1942 г.
9. АУФСБСО. Д.10345. Л.46.
10. АУФСБПО. Д.2343. Л.24.
11. Там же. Л.53.
12. Новый путь. 7 июня 1942 г.
13. Там же.
14. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф.Р-2576. Оп.1. Д.1. Л.49.
15. Государственный архив Новгородской области. Ф.Р-2113. Оп.1. Д.34. Л.23.
16. Там же. Ф.2111. Оп.1. Д.18. Л.35.
17. Речь. 12 марта 1943 г.
18. ГАСО. Ф.Р-2576. Оп.1. Д.1. Л.1.